

ДОМ МОЦАРТА

Риккардо Мути как повод для тихой революции в столице Австрии

Мизансцена из - 1996 - 11 мод. - С.Ф.

Вадим Журавлев

Другие берега

В ПЯТИ минутах ходьбы от Венской оперы, на берегу каменного русла, вмещающего когда-то речку Вии, а теперь сухого, стоит театр, чье название вписано в историю мировой оперы. Место это — целая эпоха в жизни венской музыкальной культуры: здесь находился театр, в котором впервые увидела свет рампы «Волшебная флейта» Моцарта. Впоследствии автор либретто этой последней оперы Моцарта, актер, режиссер и импресарио Эмануэль Шиканедер перестроил это здание, и уже в новом виде, под именем «Ан дер Вии», маленький театр с феноменальной акустикой стал площадкой для сценического воплощения мировой премьеры бетховенской оперы «Фиделио» и многих других музыкальных и драматических шедевров австрийской культуры. В последние годы отреставрированный «Ан дер Вии» отдал на откуп модным ныне американским мюзиклам (именно труппа этого театра показала несколько лет назад в Москве узбекских «Коллек»). Ежегодно в мае в «Ан дер Вии» играют спектакли фестиваля «Винер фестивален». Здесь можно было посмотреть работы различных оперных театров Европы, а также специальные постановки опер Моцарта (Клаудио Аббадо дирижировал здесь «Дон Жуаном» в постановке Люка Бонди и «Свадьбой Фигаро» Джонатана Миллера). Два года назад, когда здание Венской оперы было закрыто на реконструкцию, в театре «Ан дер Вии» была показана совместная постановка Штаатсопер и «Винер фестивален» — опера Моцарта «Cosi fan tutte», которой дирижировал главный дирижер «Ла Скала» Риккардо Мути. (Название моцартовской оперы привожу в аутентичном виде, поскольку русские варианты «Так поступают все женщины» или «Все они таковы» не в состоянии передать аромат названия итальянского.)

Громогласный успех новой постановки превзошел все ожидания. Впервые за многие годы спектакль пришелся по душе и консерваторам, и любителям современных сценических решений. А директора Оперы господина Холендера заставил задуматься о возможностях использования театра «Ан дер Вии» с его идеальными условиями для моцартовского музицирования для создания нового цикла опер композитора совместно с любимцем венской публики Мути. И здесь возникли определенные сложности. Холендеру власти позволили повторить еще два раза (по три спектакля) «Cosi», а дальше... Но господин ди-

ректор, которого в Вене после правления Аббадо, многие обвиняли в отсутствии широкого кругозора, сполна продемонстрировал свои качества политика и знатока подводных политических течений в столице Австрии. Как заправский революционер, он обратился к венским меломанам, которых здесь больше всего на свете, с манифестом. Организованный сбор подписей под девизом «Ан дер Вии» — дом опер Моцарта» уже через месяц принес победу Холендеру и всем поклонникам оперы в Вене. Бургомистр города официально заверил «революционеров» в том, что каждый год театр на берегу Вии будет предоставляться в распоряжение Венской

не открывали ничего нового в насыщенной глубинными подтекстами «Волшебной флейте», то в венском варианте «Cosi» их достижения выглядят едва ли не идеальными. Внешне спектакль очень похож на постановку Михазля Хамиз, который Мути сводил с ума москвичей во время последних гастролей «Ла Скала», — вид неаполитанской бухты за задние и активное сценическое взаимодействие всех персонажей оперы. Карози, в отличие от Хамиза, являет не просто пейзажный фон, а реальные живописные работы немецкого художника Филиппа Хакерта, писавшего виды Неаполя в те же годы, что и Моцарт свои оперы. (О Хакерте с восторгом отзы-

рисую мизансцен, мимика и жесты актеров-певцов воплощены столь ясно и естественно, что невольно забываешь обо всем и устремляешься вслед за мейнстримом сюжета гениальной комедии.

Правда, вслед за словом «комедия» стоит поставить вопросительный знак: де Симоне особенно тщательно подчеркивает в опере не куртуазность «Опасных связей» де Лакло, а возвышенную эротичность «Избирательного родства» Гете. Поэтому и счастливый бурлеск в финале оперы предстает в нечасто встречающемся виде: никто никого не прощает. Но, кроме того, пары влюбленных тенор—меццо-сопрано и баритон—сопрано, обменявшись своими партнерами по ходу оперы и явно почувствовав к ним «избирательное родство» («марьяжи» тенор-сопрано и баритон-меццо все же более естественны для всей истории оперы-буффа), завершают спектакль такими взглядами и жестами, что нисколько не сомневаясь — «школа влюбленных» (второй заголовок оперы) не прошла для них даром. Спектакль в театре «Ан дер Вии» проливает бальзам на гонителей авангардистких интерпретаций и вновь демонстрирует способность талантов создавать истинные стилистические шедевры старыми способами.

Триумфальный успех «Cosi fan tutte» связан и не меньшей степенью и с певцами, имена которых стоит запомнить каждому операману. Фантастическая Барбара Фриттоли в арии и рондо Фьордиллиджи утверждала свой статус будущей примадонны: столь чисто и легко эту самую сложную моцартовскую партию сопрано давно уже никто не пел. Анжелика Киршлагер в партии Дорабеллы и Михазль Шаде в партии Феррандо потрясли легкостью и изысканностью моцартовского голосоведения, а Бо Скокус в партии Гульельмо вновь доказывал свое право на любовь придирчивых венских меломанов (его популярности здесь может позавидовать сам Доминго). Моника Баччелли в партии Деспини и Алессандро Корбелли не смогли блеснуть великолепной вокальной формой — их голоса просто теряются рядом с квартетом влюбленных. Но актерским достижениям Баччелли могла бы позавидовать и волоокая Чечилия Бартоли (певшая эту партию два года назад), а Корбелли, создавший замечательный образ старого педика и тихого женоненавистника, был вне всяких похвал.

Но что же сам Мути? Восторг и полное обожание зрителями дирижера, так чутко чувствующего аутентичные веяния в исполнении моцартовских опер, помогают ему создавать настоящие шедевры. Так что не зря в Вене бунтовали.

Вена—Москва

Барбара Фриттоли. «Per pietà».

оперы. К всеобщему восторгу, в следующем году можно будет еще раз увидеть «Cosi», с 1998-го Мути дирижирует новой постановкой «Свадьбы Фигаро» (причем ненавидящий современных режиссеров дирижер готов даже сотрудничать с Ахимом Фрайером). А в 2001-м состоится премьера нового «Дон Жуана». Победа впечатляющая!

Ну а теперь о том, что вызвало столько восторгов и даже тихую революцию в австрийской столице. Постановочная группа спектакля уже знакома нам по «Волшебной флейте» в «Ла Скала» (см. «НГ» от 29.12.95) — режиссер Роберто де Симоне, сценограф Мауро Карози, художник по костюмам — Одета Николетте. Но если в Милане удивленные декоративностью полумасонского ритуала постановщики

нался даже Гете в своем «Итальянском путешествии»). А пять пращующих по сцене сегментов ротоны позволяют сценографу создавать на крохотной сцене театра то бескрайние просторы Неаполитанского залива, то уютные уголки дома Дорабеллы и Фьордиллиджи. Режиссерский же подход де Симоне, добивающегося от молодых певцов порой феерической актерской игры, и вовсе доводит спектакль до совершенства. Сложнейший текст либретто да Понте, изобилующий уличными фривольностями и сальной манерностью, экспрессивностью итальянского кампьялло и естественностью человеческих порывов, остроумно и изысканно воплощен режиссером. Для каждого из участников спектакля найдены индивидуальные штрихи, а сложный